

Лев Перепелкин

Институт востоковедения РАН, Москва

Владислав Стельмах

Российский институт культурологии

Министерства культуры РФ, Москва

КАВКАЗСКИЙ ХАНААН: МОЖЕТ ЛИ РЕСПУБЛИКА АДЫГЕЯ ПРИНИМАТЬ РЕПАТРИАНТОВ?

РЕЗЮМЕ

Цель статьи – рассмотреть перспективы возможной репатриации в Адыгею *мохаджиров* (потомков адыгов, изгнанных со своей родины в XIX в.; сейчас проживают главным образом в Турции и странах Ближнего Востока). В настоящее время Республика Адыгея – субъект Российской Федерации, считается «островом стабильности» в беспокойном Кавказском регионе. В статье, написанной по материалам Госкомстата и Министерства юстиции Республики Адыгея, показано: вероятное возвращение репатриантов скажется негативно как на русско-адыгских взаимоотношениях в Республике, так и на ее взаимодействии с Федеральным центром.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридическая антропология, Россия, Кавказский регион, Адыгея, миграция (репатриация), этнические конфликты, федеративные отношения

В ночь на 2 августа 1998 г. в г. Майкоп, столицу Республики Адыгея (РА) в составе Российской Федерации (РФ), прибыло на постоянное жительство 30 семей косовских адыгов (всего около 200 чел.). Данная акция была второй со времен октябрьского переворота 1917 г. попыткой устроить возвращение на историческую родину потомков кавказских мохаджиров – представителей различных народов региона, вынужденных переселиться в Оттоманскую империю после двух Кавказских войн с Российской империей, – и первым в постсоветский период случаем организованного переселения в Россию какой-либо этнической общности.

Прием беженцев из Косово носил сугубо гуманитарный характер и имел под собой определенную правовую основу (Закон РА о репатриации от

29. 05. 1997 г.), но он был неоднозначно воспринят как в России, так и в самой Адыгее, особенно тамошним русским населением. Последнее не удивительно. Хотя в настоящее время русские вместе с другими славянскими народами составляют более 2/3 населения Республики, их опасения в связи с возможным наплывом мигрантов объяснимы. Конфликтологам хорошо известно, что любое, и особенно форсированное изменение этнической структуры населения конкретной территории является сильным дестабилизирующим фактором. Вне сомнения, переезд косовских адыгов пока исключительный случай: среди народов, составляющих северокавказскую диаспору за пределами РФ, массового желания вернуться на прародину пока не наблюдается. Тем не менее, при определенных обстоятельствах этот случай может стать прецедентом для начала иммиграции северокавказских народов, чья зарубежная диаспора исчисляется несколькими миллионами. В этом контексте мы и попытаемся оценить перспективы возможной репатриации этнических адыгов и их потомков в системе следующих координат: русско-адыгские отношения в Адыгее и взаимоотношения РА с федеральным центром.

1. Островок спокойствия в Северном Причерноморье

Хорошо известно, что миграционная привлекательность той или иной территории – явление комплексное. Страна, находящаяся на подъеме, привлекает к себе и капиталы, и население, а страна с падающей экономикой и нестабильной социально-политической ситуацией теряет оба этих производственных фактора. Именно в таком ракурсе целесообразно рассмотреть современную ситуацию в РА.

Эта Республика была образована в 1992 г. на основе Адыгейской АО в составе Краснодарского края, выход из которого был осуществлен по неконфликтной модели с санкции федерального центра. В настоящее время она политически – равноправный субъект Российской Федерации, а территориально – анклав внутри названного выше края. К сожалению, уровень экономического развития Республики Адыгея и качество жизни ее населения невысоки в масштабах России. Если расположить регионы Предкавказья по критерию денежных доходов (1997 г.), то получится следующая картина:

- 1) **Регионы высокой обеспеченности населения** (более 5 прожиточных минимумов в среднем на 1 человека) – среди северокавказских субъектов РФ таких нет;
- 2) **Регионы относительного благополучия** (2–3 прожиточных минимума) – Ставропольский край;
- 3) **Регионы малой обеспеченности населения** (более 2 прожиточных минимумов) – Краснодарский край, Северная Осетия;

4) **Бедные регионы** (менее 1.5 прожиточных минимумов) – Дагестан, Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария [Невинная, 1998: 5]. Впрочем, по показателям покупательной способности среднедушевого денежного дохода (1.74) и среднемесячной заработной платы (1.49) население Адыгеи превосходит жителей других северокавказских республик: Карачаево-Черкесии (соответствующие индексы 1.62 и 1.44), Кабардино-Балкарии (1.46 и 1.3), Ингушетии (1.46 и 0.74), Северной Осетии (1.37 и 1.53), Дагестана (1.00 и 0.99) [Меньшикова, 1998: 4; Савин, 1997: 5], не говоря уж о Чеченской Республике.

Вопреки фактору бедности, РА – достаточно спокойный регион, причем не только по меркам Северного Кавказа, но и по сравнению с рядом великорусских областей и краев, особенно угледобывающих. Здесь не существует, по крайней мере сейчас, ни острых (на грани вооруженных столкновений) внутренних межэтнических и социальных конфликтов, ни авторитетных в глазах большинства населения сепаратистских движений, ни тенденций к избыточной суверенизации и обособлению в рамках РФ (как, например, в Татарии). Адыгейцы, живущие чресполосно с казачеством и русским населением, по местным меркам достаточно адаптированы к индустриальной культуре и городскому образу жизни.

Относительная стабильность социально-экономической и этно-демографической ситуации в Адыгеи во многом обусловлена политикой тамошнего руководства, возглавляемого Президентом РА А.Джаримовым. Эта стабильность поддерживается с помощью дуалистической модели организации государственной власти, в основе которой лежат: 1) система этнического паритета – равное представительство титульного, адыгского и количественно преобладающего для русского населения РА на всех уровнях властных институтов; 2) узаконенный билингвизм – в РА государственными объявлены и русский, и адыгский языки. В настоящее время адыгско-русское равновесие законодательно закреплено и реализуется в следующих формах:

1) за счет формирования на сугубо паритетной основе республиканских органов законодательной и исполнительной власти (Конституция РА, ст. 7.3) [Конституция, 1995];

2) в виде конституционно закрепленного порядка выборов депутатов Государственного Совета (Хасе) Республики Адыгея, согласно которому нарезка избирательных округов была произведена так, чтобы компактные территориальные совокупности адыгейцев в Тахтамукайском и Красногвардейском районах входили в отдельные одномандатные округа (Конституция РА, ст. 64.4);

3) посредством законодательно закрепленного билингвизма в высшем органе государственной власти РА; в работе других государственных органов, организаций, предприятий и учреждений; официальном делопроизводстве и переписке; судопроизводстве, арбитраже, нотариальном

делопроизводстве; в государственных средствах массовой информации [Закон, 1994: гл. 3–4].*

Помимо конституционно закрепленного этнического паритета на стабильность ситуации в РА работают, как минимум, еще три фактора: 1) географическая отдаленность Адыгеи от основных центров межэтнического противостояния на Северном Кавказе и в Закавказье; 2) хорошие отношения с соседними субъектами Федерации, в частности, с администрацией Краснодарского края, чья территория полностью окружает Адыгею; 2) особенности нынешнего этнического состава ее населения (Таблица 1).

Таблица 1: Этническая структура населения Республики Адыгея, 1989–1997 гг. (%)

Основные этнические группы	Годы					
	1989	1993	1994	1995	1996	1997
Адыгейцы	22.1	22.5	22.5	22.4	22.8	23.0
Русские	68.0	67.9	67.7	67.3	67.2	66.9
Армяне	2.4	2.5	2.6	2.6	2.7	2.7
Украинцы	3.2	3.0	2.8	2.8	2.7	2.7

[Источники: Данные Госкомстата РА, 1998; Национальный состав, 1991: 42]

Последний из указанных факторов заслуживает подробного рассмотрения. Для республик Северного Кавказа такой этнический состав – уникальное явление. Обычно в населении здесь численно доминируют автохтонные народы. Кроме того, во всех прочих республиках региона (до разделения в 1991 г. Чечено-Ингушетии) проживало несколько «титulyных народов». Даже в Северной Осетии на этот статус могли претендовать не только осетины, но и ингуши. Существующая в РА композиция этнических групп (практически биэтнический характер населения с троекратным преобладанием русских) уменьшает опасность местного сепаратизма. Характерно, что все известные нам на-

* Отметим попутно, что ст. 76.1 Конституции РА, предполагающая знание кандидатом в Президенты Республики двух государственных языков, на практике сдвигает ситуацию паритета в пользу адыгской общины. Ведь известно, что русское население республик, особенно в ситуации, когда оно составляет этническое большинство, практически не владеет местными языками. Эта потенциально конфликтная конституционная норма может быть исправлена, но возможен и другой путь – введение обязательного изучения адыгского языка в русских школах.

циональные партии, организации и движения РА в своих программных документах не выдвигают подобных лозунгов.

За период 1989–1997 гг. изменения этнической структуры населения РА были незначительны. При росте общей численности населения на 4.2% у адыгейцев этот показатель составил 8.4%, у русских – 2.9%, у армян – 15.7%; количество же украинцев уменьшилось на 11.3%. Эти изменения связаны и с различиями в темпах демографического воспроизводства между этническими группами, и с миграционными процессами (Таблица 2). Последние, в свою очередь, объясняются, с одной стороны, форс-мажорными обстоятельствами (значительный рост численности армян, вызван как массовым их исходом из района карабахского конфликта, так и попытками выезда из охваченной экономическим кризисом Армении), а с другой, – естественными для постсоветской ситуации видами миграции (к примеру, отрицательное миграционное сальдо украинцев в связи с их ориентацией на обретающую независимость Украину).

Таблица 2: Миграционное сальдо в РА, 1989–1997 гг. (%)

	Годы					
	1989–1991	1993	1994	1995	1996	1997
Все население*	+1.1	+0.9	+0.7	+0.4	+0.3	+0.5
Адыгейцы**	+0.3	+0.6	+0.5	+0.4	+0.3	+0.4
Русские**	+1.3	+0.8	+0.7	+0.3	+0.2	+0.5

* По отношению ко всему населению.

** По отношению к населению данной национальности.

[Источник: Данные Госкомстата РА, 1998]

Таблица 2 вроде бы демонстрирует миграционную привлекательность Адыгеи, но это благостное заключение требует коррекции с учетом данных Таблицы 3. В ней анализируется демографическая структура мигрантов. Как известно, сальдо естественной миграции (передвижение в поисках «лучшей доли», лучших условий жизни) должно повторять демографическую структуру всего общества – ведь люди обычно переселяются целыми семьями. И наоборот, вынужденная миграция (не говоря уж о бегстве из районов конфликта) расчленяет семьи, разбрасывая их по разным территориям временного проживания. Ее сальдо отнюдь не повторяет демографическую структуру общества.

Таблица 3: Демографическая структура миграционных процессов в РА, 1991–1997 гг. (%)

Годы	Моложе трудоспособного возраста	В трудоспособном возрасте	Старше трудоспособного возраста
Возрастная структура миграционного притока:			
1991	29.0	62.0	8.6
1992	30.1	60.3	9.5
1993	15.6	71.8	12.6
1994	19.9	71.9	8.2
1995	17.8	71.6	10.5
1996	16.8	68.2	14.9
1997	11.6	76.5	11.9
Возрастная структура прибывших в РА:			
1991	22.0	68.4	9.6
1994	17.7	71.7	10.6
1997	17.3	69.2	13.5
Возрастная структура выбывших из РА:			
1991	20.2	74.3	10.5
1994	17.1	71.6	11.2
1997	18.8	67.3	13.9

[Источник: Данные Госкомстата РА, 1998]

В Российской Федерации демографическая структура состоит из 30% людей моложе трудоспособного возраста, 60% – в трудоспособном возрасте и 10% – старше трудоспособного возраста. Подобное соотношение возрастов в миграционном сальдо РА сохранялось до 1992 г., а затем оно резко изменилось в пользу людей средних и старших возрастов. Из этого следует, что сейчас миграционный прирост населения РА происходит в первую очередь за счет вынужденных переселенцев. Поэтому напрашивается следующий вывод: миграционная привлекательность РА для неадыгских групп в настоящее время невысока. Рискнем предположить, что кардинальное увеличение численности населения Республики в ближайшем будущем может происходить только за счет репатриации этнических адыгов.

Замыслы репатриировать зарубежную адыгскую диаспору (ее численность по разным данным достигает от 1 до 3 млн. чел.; основные страны проживания – Турция, Сирия, Иордания) обрели теперь правовую основу: Закон РА о репатриации (29. 05. 97), интерпретирующие его Указ Президента РА «О некоторых вопросах правового регулирования положения репатриантов в республике Адыгея» (03. 11. 97) и подзаконный акт «Положение о порядке приобретения права на место жительства лицам, прибывающим в Республику Адыгея» (03. 11. 97) [Репатриация, 1997]. К анализу этих законодательных актов мы обратимся ниже, а пока посмотрим, насколько устойчива ситуация двубоштинного этнического паритета.

2. От этнического паритета к национальному конфликту...

Как учит мировой и российский опыт, изменение этнического состава населения территории потенциально конфликтогенно. В нашем случае возможная массовая миграция адыгов прежде всего чревата обвалом нынешней системы этнического паритета. Сегодня эта практика (используемая, в частности, в Финляндии, Бельгии, Швейцарии) вполне приемлема как мера, устанавливающая общие принципы баланса между титульным адыгейским меньшинством и русским большинством населения РА. Благодаря ей адыги сохраняют реальную возможность контроля за принятием решений властными институтами любого уровня, выбираемыми на основе всеобщего равного голосования, а неадыгейское, и прежде всего русское население имеет правовые гарантии от теоретически возможного этнократизма титульного этноса.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что любое «двухбоштинное» государство само по себе достаточно проблемно, поскольку требует постоянного тщательного выверения взаимодействия его составляющих. Здесь достаточно вспомнить жаркие дебаты в 1991 г. между , с одной стороны, «Союзом славян» и депутатской группы «Действие» Майкопского горсовета (они представляют интересы преимущественно русских) и, с другой стороны, «Комитетом-40» (объединяет адыгов-националистов) относительно установления паритета. Тогда население РА едва не оказалось расколотым по этническому признаку [Джаримов, 1995: гл. 5]. Повторы аналогичной конфронтации в связи с любым изменением численности «паритетных групп», по-видимому, неизбежны. Вспомним, насколько остро стоял вопрос об иммиграции во время последнего квебекского кризиса, чтобы представить возможный вариант развития событий в типологически сходной ситуации.

Данный фактор осложняется спецификой социальных параметров основных этнических общин РА. Если среди адыгейцев только 41.5% городские жители, то для русских этот показатель достигает 70% (хотя уровень образования, если пользоваться показателем доли людей с высшим образованием, среди первых несколько выше, чем среди вторых). Это значит, что межоб-

щинные противоречия могут приобрести оттенок противостояния между сельскими и городскими жителями. Иными словами, особенность дуалистического государственного устройства РА заключается в том, что паритет подстроен в первую очередь под интересы титульного меньшинства, и при том меньшинства аграрного, менее затронутого модернизацией, чем русские.

Совокупность перечисленных обстоятельств формируют отложенный политический риск. Как показывает опыт стран, использовавших и продолжающих использовать сходные механизмы поддержания межэтнического баланса (в частности, Малайзия), без обширного и дорогостоящего пакета мер по реальному выравниванию социальных параметров этнических общин, составляющих население, система чисто правового поддержания паритета становится сперва неэффективной, а затем потенциально конфликтной. Без реального социально-экономического наполнения (примерного равенства общин по показателям уровня образования их членов, долевого распределения по основным отраслям хозяйства, обеспечения жильем и движимым имуществом) поддержание паритета требует искусственных мер в виде системы этнических квот.

Постепенно пронизывая всю социальную структуру данного общества, квоты, приемлемые на стадии первичной гармонизации межэтнических отношений, превращаются де-факто в дискриминационные по сути ограничения большинства, усиливающие напряженность в данном обществе. В лучшем случае такая напряженность выливается в исход наиболее квалифицированной и мобильной части этнической группы, ощущающей нарастающий социальный дискомфорт (например, массовый отъезд из Малайзии врачей-индийцев). В худшем случае эта напряженность может переходить в фазу межэтнического конфликта, что особенно характерно для стран с невысоким уровнем экономического развития. Естественно, социальная нестабильность, подпитываемая этнически, значительно снижает инвестиционную привлекательность страны или ее части. Так, отток капиталов, как известно, весьма чувствительно ударил по канадской провинции Квебек, несмотря на то, что политический кризис здесь происходил в сугубо конституционных, легитимных рамках.

В аналогичной ситуации роль стабилизатора межэтнических отношений могла бы, как представляется, сыграть партийно-политическая структура РА. Но и это маловероятно. По данным на май 1997 г., политическая система Адыгеи складывалась из более чем 100 партий, движений, объединений, что типично для социумов переходного типа. Как показывает текст-анализ программных документов большинства политических организаций Республики [Программы и уставы, 1998], их системное конституирование шло как бы по двум основным линиям: 1) по корпоративному признаку – организации женщин, ветеранов, инвалидов, работников конкретной сферы и т.п.; 2) по этническому принципу. В последнем случае формировались партии этносов (или субэтносов) РА – адыгов, русских (и отдельно казачества), греков, армян, немцев и др. В Республике существуют и отделения федеральных партий,

имеющих свое представительство в Государственной Думе РФ, но их влияние невелико.

В Адыгее зарегистрировано также 46 религиозных организаций, из них 13 (или 28%, что приблизительно соответствует доле адыгов в населении) мусульманских, а 33 – христианских. Большинство религиозных объединений действует на общинной основе, т.е. в рамках одного населенного пункта [Список, 1997]. Сопоставление количества светских и религиозных организаций дает основания предположить, что для РА пока более характерны процессы этнической, а не религиозной консолидации. Это особенно важно, если учитывать идущее в настоящее время на Северном Кавказе распространение радикальных и экстремистских течений ислама или тенденцию к «фундаментализации» православия. Впрочем, развитие религиозного экстремизма в РА имеет конституционную преграду в виде ст. 9, 14 и 20 Конституции Республики.

Сейчас межпартийные отношения в Адыгее в целом, и в первую очередь на публичном уровне, отличает известное добрососедство. Этому немало содействует так называемый «Кодекс национальных отношений» жителей Республики, в частности, однозначно требующий от политических и общественных организаций взаимопризнания и уважения этнокультурной, языковой и религиозной самобытности народов РА; недопущения действий, которые могут нанести ущерб национальному развитию какой-либо группы населения; урегулирования спорных проблем исключительно согласительными процедурами в целях сохранения межнационального мира [Бежанов, 1995: 245]. Хотя упомянутый документ не имеет формально-конституционного характера и потому не обладает юридическим действием, его роль в гармонизации политической жизни РА важна, так как он является по сути дела межпартийным «общественным договором», то есть основой консенсуса.

Итак, нынешний уровень межпартийных отношений в Адыгее конструктивен, но перспективы у такой политической системы невелики. Являясь адекватным отражением общественных разделений времени распада СССР и «парада суверенитетов», она в принципе отыграла свою роль этнического стабилизатора на этапе превращения Адыгейской АО в полноправный субъект РФ. В период же формирования (пусть и медленного) в стране нормальной рыночной среды нынешняя общественно-партийная система РА, как бы воспроизводящая межэтнические отношения образца 1992 г., создает определенный политический риск.

В полиэтничном обществе, каковым является Республика, естественная конкуренция заинтересованных участников экономических процессов неизбежно обретает некоторую этническую «подпитку». Другими словами, объективное соперничество на рынке производителей товаров, интеллектуальных ценностей и услуг зачастую приобретает черты этнического противостояния. Если в условиях экономического роста такого рода конфликтность присутствует как бы в сглаженном виде, то в случае экономических спадов она становится чрезвычайно опасной. Подтверждением этого являются, к примеру, по-

следние события в Индонезии, где кризис финансового рынка продолжился на улицах в форме китайских этнических погромов.

Таким образом, нынешняя партийная система Адыгеи, восходящая к первичным (этническим) факторам групповой идентификации, в случае возможного конфликтного сценария развития событий обладает минимальным запасом прочности. Сложившееся партийно-политическое структурирование не может способствовать принятию властными институтами Республики решений как бы от имени всех ее жителей. С учетом того, что ст. 10 и отчасти ст. 51 Конституции РА утверждают, что Республика образована в результате самоопределения *адыгского народа*, приходится констатировать следующее: действующая партийная система в конечном счете тормозит формирование в РА гражданского общества и, наоборот, консервирует его разделение по национальному признаку. То, что на политическом поле Адыгеи пока почти не нашлось места общегражданским партиям, исподволь создает базу для этнической конфронтации, в перспективе делая регион менее привлекательным для вложений в его экономику.

3. Москва-Майкоп: навеки друзья?

Для субъекта РФ, чей бюджет более чем на 2/3 дотируется федеральным центром, взаимоотношения с последним – особая проблема, от решения которой зависит получение трансфертов, субсидий и субвенций. В настоящее время отношения РА и Москвы по северокавказским параметрам почти идиллические. Рискнем, однако, предположить, что это связано преимущественно с субъективным моментом – с дипломатическими способностями Президента Адыгеи А. Джаримова и его умением налаживать контакты на федеральном уровне, а не с объективными обстоятельствами – эффективным правовым разделением власти между республиканскими и федеральными структурами на основе принципа субсидиарности и отсутствием противоречий в законодательстве обеих уровней.

При поверхностном анализе правовых документов институционально-правовая среда, создаваемая Конституцией РА, соответствует общегосударственным политическим нормам, зафиксированным Основным Законом РФ. Иными словами, предполагается, что конституционное устройство РА не противоречит федеральным установлениям и не создает больших проблем для самой Республики, если не учитывать, что местная Конституция была принята не всенародным голосованием, а сессией Законодательного Собрания (что несколько снижает ее легитимность). Но при внимательном взгляде в основах конституционного строя Адыгеи есть немало положений, которые в любой момент могут серьезно изменить теперешнюю ситуацию и при неблагоприятном развитии событий породить конфликт с центром. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего, ст. 61 Конституции РА предполагает прямое действие всех ее норм. Это значит, что даже при отсутствии соответствующего республиканского законодательства их нарушение подсудно. Но подобная практика требует исключительного развития института судебной власти, да еще в англосаксонском прецедентном варианте. В Российской Федерации же распространена иная, романо-германская правовая система, да и сама судебная власть все еще пребывает в зародышевом состоянии. Кстати говоря, в федеральной Конституции непосредственным действием обладают лишь нормы, относящиеся к правам и свободам человека (ст. 18 Конституции РФ), и их защита – прерогатива Конституционного Суда РФ. Кроме того, некоторые нормы Конституции РА вообще трудно реализуемы в рамках современной юстиции, например, те, что фактически имеют обычноправовую природу (ст. 35.2 и 35.3).

Далее, ст. 64.3 Конституции РА содержит понятие «коренное население», которое не характерно для конституционной практики цивилизованных стран. Употребление этого понятия в данном контексте имеет, на первый взгляд, вполне доброкачественный характер: речь идет об избрании от районов с преобладанием адыгского большинства в Государственный Совет (Хасе) по одному депутату, тогда как от районов со смешанным населением принято избирать по 2 депутата на паритетной основе. Однако тем самым формируется опасный и при том противоречащий ст. 3.2 Конституции РА «О гарантиях равноправия граждан» прецедент этнических преимуществ в избирательном процессе, который может быть использован для деформации системы паритета.

Существует ряд противоречий относительно функционирования органов государственной власти Адыгеи. Так, ст. 8 исключает местное самоуправление из системы органов государственной власти, тогда как Раздел 2 («Местные органы государственной власти») трактует этот вопрос обратным образом. Не вполне соответствуют общегосударственным нормам и принципы формирование судебной власти. Ст. 70 и 78 предполагают, что судебский штат назначается Государственным Советом по представлению Президента РА. При этом (ст. 105.3 Конституции РА) деятельность местных судов определяется Конституцией и законодательством РФ. Сейчас в России существует лишь единая федеральная судебная система (формирование судебных органов субъектов Федерации только проектируется), а поэтому данные конституционные нормы противоречат ст. 128 Конституции РФ, согласно которой назначение судей осуществляется Президентом РФ.

Наконец, обратимся к Закону о репатриации. Данный закон, как бы подстраиваясь под ст. 10 Конституции РА («право на возвращение на историческую Родину проживающих за пределами РФ соотечественников: адыгской диаспоры»), на первый взгляд, вписывается в существующую систему адыгско-русского паритета. Ведь если допустить масштабное возвращение на историческую родину отдаленных потомков жертв II Кавказской войны и превращение адыгов в большинство населения Республики, равноправный статус

обеих общин не меняется. Тем не менее, подобное узаконение создает особую группу политических рисков, находящуюся на стыке «внутренних» и «внешних» факторов воздействия на ситуацию в Республике.

Проблема тут состоит в следующем. Во-первых, Конституция РФ не рассматривает этническую репатриацию как особую форму иммиграции, наподобии того, как это трактуют, например, Конституции Ирландии или ФРГ. Соответственно, иммиграционное законодательство не предусматривает для репатриантов каких-либо особых квот. Во-вторых, жестко увязывая иммиграцию с обретением российского гражданства, Основной Закон относит этот вопрос однозначно к компетенции федеральной власти (ст. 57 Конституции РФ). В подобном контексте законодательная инициатива РА неизбежно входит в прямое противоречие с общероссийскими конституционными установлениями.

Во вторых, Закон о репатриации полностью не соответствует ст. 19 федерального Закона «О гражданстве». Данная законодательная норма требует для получения российского гражданства 5-летнего проживания на территории РФ или 3-летнего непрерывного проживания (для беженцев эти сроки сокращаются в 2 раза). Согласно же Закону РА лицо, имеющее на это право, а также его родственники, уже через год после получения статуса репатрианта может ходатайствовать о предоставлении ему российского гражданства, а через месяц получить гражданство РА.

Анализируемый Закон вводит новое для российского права понятие «статус репатрианта». Этот статус (ст. 5–7 Закона РА о репатриации) приобретает после регистрации или в упрощенном порядке (для родственников репатрианта в 3-м колене). Причем Закон не определяет, получают ли этот статус только при условии проживания в РФ, или его можно приобрести, находясь за рубежом. Напомним, что проблема гражданства находится в *исключительном* ведении РФ. Симптоматично, что положение о виде на жительство (которое дается федеральными властями) содержится не в Законе о репатриации, а в подзаконном акте – Положении, прилагаемом к Указу Президента РА (пункт 2.2). Что касается затрат по обустройству репатриантов (ст. 16 и 17 адыгского Закона о репатриации), то поскольку бюджет РА дотируется из федеральной казны, репатриацию адыгов будут оплачивать все граждане РФ.

Понятно, что заложенные в Конституции РА противоречия могут сыграть свою негативную роль только в условиях повышенной конфликтности (например, между основными этносами Адыгеи, между Республикой и Краснодарским краем или же федеральным центром), а также в случае дальнейшего общего ухудшения положения на Северном Кавказе. Именно тогда и может произойти трансформация отложенных политических рисков в актуальные. В этой связи конституционное устройство Адыгеи, впрочем, как и Российской Федерации в целом, нуждается в совершенствовании с учетом оптимальной для нашей страны модели федеративных отношений. Точно также, пока федеральный центр не занялся вплотную приведением узаконений субъектов Феде-

рации в соответствие с Конституцией РФ, нынешняя ситуация с Законом о репатриации адыгов не может оказывать деструктивное влияние на положение дел в РА. Но с учетом перспективной коррекции регионального нормотворчества в духе общеконституционных положений конфликт между республиканскими и центральными властями станет неизбежным. Естественно, его интенсивность не обязательно выльется в вооруженную конфронтацию. Однако же следует учитывать, что даже цивилизованное противостояние властей разного уровня снижает темпы развития территории.

Повторим еще раз, что если процесс репатриации потомков адыгских мохаджиров станет в ближайшее время развиваться, и в результате начнет меняться этнодемографическая структура РА, конфликтогенный потенциал территории резко возрастет. Кроме того, массовая иммиграция поставит группу проблем по приему, обустройству и адаптации мигрантов – практика подобного рода обязательна для стран, принимающих переселенцев. При современном уровне социально-экономического развития Республики эти проблемы окажутся неразрешимы. А говорить с уверенностью о том, что массовой репатриации в ближайшее время не произойдет, т.к. Россия, особенно северокавказская ее часть, пока является политически нестабильной страной с падающей экономикой, было бы опрометчиво. Достаточно посмотреть на страны, где имеется кавказская диаспора (Иордания, Сирия и даже Турция), чтобы понять, какой может быть сделан выбор при определенных и непредсказуемых политических катаклизмах.

4. Основные выводы

В Адыгее, помимо проблемы рыночных реформ, реабилитации ее экономики и преодоления спада производства в условиях переходного периода (современной особенностью последнего является необходимость сочетания финансовой стабилизации с выходом из кризиса производства) в перспективе прослеживаются контуры некоторых вполне вероятных проблем этнополитического характера, которые могут нарушить здесь социальный мир. В наиболее общих чертах эти проблемы сводятся к:

- 1) необходимости модернизации республики, причем не только и не столько в экономическом, сколько в социокультурном плане. Данная проблема прежде всего касается адыгов – преимущественно сельских жителей. С этим тесно связан вопрос о сохранении и развитии адыгской культуры в рамках общедофедеративного культурного пространства;
- 2) установлению оптимальных пределов республиканского суверенитета и отлаживанию взаимодействия с федеральным центром. Причем данная проблема будет неизбежно отягощаться, как минимум, двумя негативными факторами – уже состоявшимся чеченским сепаратизмом и нарождающимся адыгским ирредентизмом;

3) сохранению, хотя бы на нынешнем уровне, внутренней стабильности, т.к. установленный Конституцией РА паритет требует перманентной коррекции. Отсюда вытекает необходимость постоянного мониторинга и совершенствования модели функционирования биэтнического общества.

В этом контексте иммиграция адыгов-репатриантов, пусть даже санкционированная Законом РА, может стать механизмом запуска конфронтации между основными этносами Адыгеи, на которую неизбежно наложится конфликт Республики с федеральными властями. И все же, на наш взгляд, не следует полностью отказываться от идеи репатриации. Ее можно перевести в другую (неконфликтную) плоскость. Имеется в виду развитие тесных контактов с адыгской диаспорой, проведение адаптации потенциальных репатриантов в местах их проживания (в том числе изучение адыгского и русского языков, традиций адыгского народа и т.д.). Приемлемым представляется также цивилизованное лоббирование этой проблемы в федеральных органах власти или увязывание ее с проблемой репатриации огромного числа уроженцев России, оказавшихся после распада СССР в странах СНГ.

В данной связи введение ежегодных (но небольших) квот на переселение, подготовка в РА инфраструктуры для приема мигрантов и проч. может рассматриваться в качестве пилотажного варианта общегосударственной программы возвращения в страну ее уроженцев независимо от их этнического происхождения. Но в любом случае процесс репатриации должен развиваться постепенно и опираться на реальные экономические возможности Республики Адыгея и России в целом. Как представляется авторам, Российская Федерация объективно (в силу идущих демографических процессов: уменьшения рождаемости, старения населения) заинтересована в притоке людских ресурсов извне. Особенно это относится к народам, исторически и культурно связанным со страной. Но это – перспектива, и, возможно, весьма отдаленная.

ЛИТЕРАТУРА

БЕЖАНОВ, М. (1995). *Общественный кризис и проблемы национального возрождения*. Майкоп.

Данные Госкомстата Республики Адыгея (1988). Майкоп /в порядке частного сообщения/.

ДЖАРИМОВ, А. (1995). *Адыгея – от автономии к республике*. Майкоп.

Закон Республики Адыгея о языках народов РА (1994). Майкоп.

Конституция Республики Адыгея (1995). Майкоп.

Конституция Российской Федерации (1993). Москва.

Концепция государственной национальной политики Российской Федерации на Северном Кавказе (проект) (1998). Москва.

МЕНЬШИКОВА, О. (1998). «Как прожить на одну зарплату», *Известия*, 7. 03.

Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. (1991). Москва.

НЕВИННАЯ, И. (1998). «Сколько в России денежных поясов?», *Российская газета*, 7. 02.

Программы и уставы партий, религиозных и общественных объединений, зарегистрированных Минюстом Республики Адыгея с 1992 г. /в порядке частного сообщения/.

Репатриация. Нормативные правовые акты Российской Федерации и Республики Адыгея (1997). Майкоп.

САВИН, А. (1997). «Восемь процентов жителей России перешли в средний класс», *Известия*, 25. 10.

Советская Адыгея за 60 лет (статистический сборник) (1982). Майкоп.

Список религиозных объединений, действующих на территории РА и зарегистрированных в Минюсте РА по состоянию на 1. 05. 1997 /в порядке частного сообщения/.

Lev Perepelkin, Vladislav Steljmah

KAVKASKI KANAAN: MOŽE LI REPUBLIKA ADIGEJA PRIMATI REPATRIJANTE?

SAŽETAK

Cilj ovog članka je istražiti izgledе moguće repatrijacije muhadžira (potomaka Adigejaca, prognanih iz njihove domovine u 19. stoljeću koji sada većinom žive u Turskoj i zemljama Bliskog Istoka) u Adigeju. Danas se Republika Adigeja, subjekt Ruske Federacije, smatra »otokom stabilnosti« u nemirnoj Kavkaskoj regiji. U radu napisanom na temelju materijala Statističkog ureda i Ministarstva pravosuđa Republike Adigeje autor pokazuje da mogući povratak repatrijanata može negativno utjecati na rusko-adigejske međuođnose u Republici kao i na njezin odnos s federalnim središtem.

KLJUČNE RIJEČI: pravna antropologija, Rusija, Kavkaska regija, Adigeja, migracija (repatrijacija), etnički sukobi, federativni odnosi

Lev Perepelkin, Vladislav Stelymakh

**THE CAUCASIAN CANAAN: CAN THE REPUBLIC OF ADIGEYA
ACCEPT REPATRIATES?**

SUMMARY

The aim of this paper is to examine the prospects of probable *mokhajeer* (descendants of the Adigs, expelled from their homeland in XIX century; now live predominantly in Turkey and the Middle East countries) repatriation to Adigeya. This Republic, a member of the Russian Federation, is considered now to be “an island of stability” in the turbulent Caucasus area. The text, based on materials of the Department of Justice and the Statistical Bureau of Adigeya, shows that possible mass migration can change the present ethnic composition of the Republic’s population, which would have a negative impact on both: a) Russian-Adigeyan contacts within the Republic; b) relations between Adigeya and the Federal Government.

KEY WORDS: judicial anthropology, Russia, Caucasus area, Adigeya, migration (repatriation), ethnic conflicts, Federal relations